

УЛЬЯН ДЕМЬЯНОВ

АНАТОМИЯ
— МОЕЙ —
ЗАВИСИМОСТИ

18+

Ульян Демьянов

Анатомия моей зависимости

«Автор»

2026

Демьянов У.

Анатомия моей зависимости / У. Демьянов — «Автор», 2026

В его кабинете она кричала от боли. А через пять минут умоляла не убирать руки. Доктор Штерн называет это «возвращением чувствительности». Она — пыткой, которая стала единственным, что заставляет её чувствовать себя живой. Его голос ровный. Его пальцы знают каждую её мышцу. А её тело отвечает на прикосновения раньше, чем разум успеваешь испугаться. В клинике шепчутся о тех, кто выздоровел, но не ушёл. О пациентках, которые остались не ради терапии, а ради него. Она слушает. И всё равно открывает его дверь. Потому что когда он касается её, ей плевать на слухи. Плевать на правила. Он не лечит. Он её пересобирает. А она больше не хочет, чтобы её касался кто-то другой. Психологическая драма, тёмная романтика, врач и пациентка. Властный герой, одержимость, стирание границ. Для читателей, которые любят истории о контроле, доверии и потере воли. ISBN: 978-5-0070-4174-4

© Демьянов У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка ноль	5
Глава 2. Его пальцы	7
Глава 3. Тепло. Кажется	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатомия моей зависимости

Глава 1. Точка ноль

Свет был никакой. Белый, люминесцентный — больничный. Ася лежала и смотрела в этот свет, пока он не начинал рябить в глазах, и тогда она закрывала глаза. Но и с закрытыми глазами было не лучше. Под веками плыли серые пятна, а в теле — точнее, в той его половине, которую она ещё ощущала, — поселилась какая-то ватная тоска. Ниже пояса не было ничего. Просто пустота. Как будто её разрезали пополам, и нижняя половина осталась где-то там, в перевернутой машине, на скользкой октябрьской трассе.

Мать сидела на стуле. Стул был жёсткий, дерматиновый, с продавленным сиденьем, и Ася слышала, как он скрипит под матерью. Она теребила в пальцах носовой платок, белый, с какой-то вышивкой, и этот платок Асю бесил. Почему-то именно он. Не то, что она лежит пластом, не то, что за окном дождь и голые ветки тополей, а этот смятый платок в пальцах матери.

— Врач сказал, прогноз осторожный, — произнесла мать. Она всегда так говорила — в пространство. Голос поставленный, с металлом, привычка заполнять собой консерваторский класс. — Возможно, частичное восстановление.

«Частичное». Частичная Ася. Частичная жизнь. В балете нельзя «частично». Ты или летишь в гран-жете, или ты — мебель.

— Хорошо, — сказала Ася. Голос был глухой. Как из-под одеяла.

Мать замолчала. Это было хуже. Когда она замолкала, напряжение в воздухе нарастало. Ася смотрела на потолок. На нём была трещина — тонкая, шла наискосок, и у самого края, где она упиралась в вентиляционную решётку, желтело старое пятно от протечки. Она знала эту трещину наизусть. Двадцать три дня она лежала и смотрела на неё.

В коридоре раздались шаги. Не шаркающие, как у медсестёр, а звонкие, с каким-то щегольским отзвуком. Так ходят люди сцены — с разворотом ноги от бедра наружу, с прямой спиной, словно на них всегда направлен софит.

Игорь.

Он вошёл с улыбкой и с букетом. Белые розы в целлофане, тугие бутоны, ещё не раскрывшиеся. Театральные цветы. Наверно, купил в переходе метро, как обычно. Ася знала эту его манеру — ворваться, осветить собой всё, заполнить паузу движением. Сейчас это казалось лишним.

— Привет, звезда, — сказал он. Голос звенел, как натянутая струна. Он всегда «посылал звук в зал», даже когда говорил шёпотом. — Смотри, красоту принёс. Ваза есть?

Он оглядел палату, не нашёл вазы и положил цветы на тумбочку, прямо рядом со стаканом остывшего чая. Розы свесили тяжёлые головы вниз. Ася смотрела на их лепестки и думала, что бог знает когда в последний раз нюхала живые цветы.

Игорь присел на корточки у кровати, взял её руку. Его ладонь была горячая, сильная. Ладонь партнёра, который привык держать её вес на поддержке. Ася посмотрела на его пальцы, сжимающие её кисть, и вдруг поняла, что ничего не чувствует. Ни благодарности, ни радости. Просто его рука. И её рука.

— Я с Петровичем говорил, — чистил он, заглядывая ей в глаза. — Партия Одетты пока за тобой. Ждут. Все понимают. Ты только восстанавливайся. Тело — инструмент, сама же говорила. Настроим, встанешь, станцуешь.

Инструмент. Да, она так говорила. На разминке, когда девчонки ныли про усталость, она, не глядя, бросала: «Тело — инструмент. Не играет — настрой». Сейчас она смотрела на свои ноги под одеялом — тонкие, чужие — и думала: «Мой инструмент сломан. В хлам. И никто не знает, где взять запчасти».

— Да, — сказала она. — Конечно.

Игорь запнулся. Он почувствовал, что контакт потерян. Его улыбка чуть дрогнула, но удержалась. Он привык держать лицо.

— Я завтра зайду, — он встал. — Что принести? Фрукты? Сок?

«Уйди», — подумала она. Сказала:

— Ничего. Спасибо.

Он поцеловал её в лоб — быстро, смазанно — и вышел. Шаги стихли. Розы лежали на тумбочке, свесив свои бутоны.

Мать проводила дверь глазами и сказала нейтрально:

— Хороший мальчик. Заботливый.

Ася закрыла глаза и стала ждать. В палате было тихо. За стеной шумела вода в трубах, где-то далеко хлопнула дверь. Мать наконец ушла, сухо попрощавшись, и Ася осталась одна. Одна в белой коробке. Она смотрела на телефон на тумбочке и ждала. Ждала, что этот чёртов аппарат зазвонит, потому что уже вторую неделю она знала — есть место, где мёртвых ставят на ноги. Но только мест нет.

И дорого. Очень дорого. Придётся, наверное, дачу продать.

Телефон зазвонил, когда за окном уже стемнело. Она схватила трубку так, что сбила костяшки пальцев о тумбочку. Ай!

— Анастасия Белова? — мужской голос, усталый, с одышкой. — Это Дмитрий Вадимович, клиника «Нейрон». Освободилось место. Марк Аркадьевич Штерн готов вас взять.

Ася вдавила трубку в ухо, ладони дрожали.

— Да, — выдохнула она. — Я слушаю.

— Предупреждаю сразу, — в голосе не было сочувствия, просто констатация факта, — методы у Штерна жёсткие. Не всем подходит. Будет больно.

Она посмотрела на свои ноги. Под одеялом угадывались острые колени. «Будет больно». Да хоть на куски режьте.

— Я согласна, — сказала она.

— Хорошо. Тогда ждём. Документы не забудьте.

В трубке раздались короткие гудки. Ася положила телефон на одеяло и уставилась в окно. Там качались ветки, мокрые от дождя. Стекло дребезжало. Она думала о том, что человек по фамилии Штерн, про которого говорят «жёсткие методы», теперь — её единственный шанс.

Глава 2. Его пальцы

В «Нейроне» пахло не больницей. Вообще не пахло. То есть пахло — но как-то так, нейтрально, чуть эвкалиптом, чуть каким-то нагретым пластиком. Никакой хлорки, никаких лекарств. В холле стояли орхидеи в стеклянных вазонах — живые, настоящие, с толстыми корнями, вылезавшими из горшков. Ася вдруг подумала: «Откуда у них тут орхидеи? Кто за ними ухаживает?»

Её везли на каталке — всё ещё лёжа, потому что сидеть пока не разрешали. Мать шагала рядом, стуча каблуками по светло-серому керамограниту, и порывалась что-то спросить про диету и график посещений. Но медсестра — Елена Романовна, рыжая, с идеальной укладкой и голосом, который ставил пациентов в стойку смиренно, — вежливо, но твёрдо отгеснила её в сторону:

— Анна Сергеевна, пойдёмте, оформлю пропуск. Доктор осматривает без посторонних.

Мать поджала губы. Она не привыкла, чтобы её называли «посторонней» в вопросах, касающихся дочери. Но спорить не стала. Только бросила на Асю долгий взгляд — тревожно-укоризненный — и ушла.

Асю положили на кровать в одноместной палате. Окно выходило в парк — мокрый асфальт, голые деревья, пустые скамейки. Всё чинно, дорого, современно. Кровать с электроприводом, телевизор на стене, кнопка вызова у изголовья.

Она лежала и ждала. В голове крутилось: «Штерн. Марк Аркадьевич. Жёсткие методы. Ставит на ноги». Она пыталась представить его лицо. Наверное, пожилой, грузный, с волосатыми руками и усталым взглядом. Или, наоборот, сухой, жилистый старик с седой бородкой. В общем, кто-то, кому глубоко за шестьдесят.

Дверь открылась без стука.

Он вошёл — и все её предположения полетели к чёрту. Высокий, худой. Не старый. Сорок? Сорок пять? Лицо узкое, с глубокими складками у рта, тонкий нос с горбинкой. Волосы — русые с проседью на висках, стрижка короткая, почти военная. И глаза. Серо-голубые, холодные. Он взглянул на Асю — и ей показалось, что этот взгляд прошёл сквозь кожу, прямо к позвоночнику.

Взял с тумбочки её карту, пролистал, не здороваясь.

— Компрессия Th12 и L1. Смещения минимальные. Без операции. Спинальный мозг ушиблен, не разорван. Уже неплохо. — Голос был низкий, ровный. Таким голосом, наверное, зачитывают приговоры.

Ася молчала. Что тут скажешь? «Спасибо, что я не порвана в клочья?»

Он закрыл карту.

— Я Марк Аркадьевич Штерн. Раздевайтесь до белья. Осмотр займёт полчаса.

Раздеться. Она умела раздеваться — в балетном классе стеснение выбивают на второй год, вместе с молочными зубами. Но сейчас, под его взглядом, она вдруг остро почувствовала свою беспомощность. Мягкий больничный халат. Волосы, стянутые в жидкий хвост. Серое лицо без косметики. И ноги. Тонкие, бледные, как чужие. Она с трудом стянула халат и осталась в простом белом белье.

Он достал неврологический молоточек. Постучал под коленом — тишина. Ахиллово сухожилие — тишина.

— Спинальный шок ещё не прошёл, — сказал он не ей, а куда-то в воздух. — Норма для третьей недели.

Он убрал молоточек, достал маленькое зубчатое колёсико. Холодный металл коснулся её живота.

— Чувствуете?

— Да.

Колёсико поползло вниз, к паховой складке.

— Да... да... — а потом внутри что-то оборвалось. — Нет. Не чувствую.

— Граница, — он кивнул. — Уровень L1.

Он провёл колёсиком по передней поверхности бедра, по голени, по стопе. Ася не чувствовала ничего. Только видела, как по её коже движется инструмент. Штерн убрал колёсико в карман.

— Глубокая чувствительность.

Он взял её большой палец на правой ноге и согнул вверх, к голени. Потом вниз.

— Чувствуете движение?

— Нет.

Он надавил на ахиллово сухожилие, сжал икроножную мышцу.

— А давление?

— Нет.

Он кивнул.

— Перевернёмся на живот. Оценю мышечный каркас. Я помогу.

Он взял её ноги за лодыжки и перевернул их одним движением, будто перекладывал неживой груз. Ася уткнулась лицом в подушку. Пахло свежим бельём. Она услышала, как он трёт руки — наверное, обрабатывал антисептиком.

Его пальцы легли на её позвоночник. Седьмой шейный. И вниз, медленно, надавливая на каждый позвонок. Не больно. Но очень интимно. Он пальпировал мышцы вдоль позвоночника, и там, где они были забиты спазмом, нажимал глубже, ждал, пока «отпустит». Ася шипела сквозь зубы. Это была тупая, выкручивающая боль, но — странное дело — от неё становилось легче. Как будто внутри расправлялась какая-то пружина.

Когда он приблизился к месту перелома, она невольно напряглась.

— Здесь паравerteбральные мышцы в гипертонусе, — прокомментировал он скорее для себя, чем для неё. — Выше уровня травмы. Защитный спазм. Будем снимать.

Он разминал её спину долго и методично. Потом его ладони сместились ниже, на ягодичицы.

— Ягодичные мышцы, — сказал он бесцветно, — уже начали атрофироваться. Будем работать.

Он мял их долго, минут десять, не меньше. Сильные пальцы вдавливались в дряблую, податливую ткань. Это было как-то унижительно. Но где-то на границе сознания мелькнула мысль: ни один мужчина не касался её так долго и так властно. И это было странно и неправильно. Она заставила себя думать о том, что он просто делает свою работу. Он просто врач.

Штерн перешёл к бёдрам, к икрам. Мял, разминал. Ася не чувствовала его прикосновений. Она знала, что он трогает её ноги только потому, что видела это внутренним зрением — или просто знала, что он сейчас там, внизу.

— Всё. Переворачиваемся обратно.

Снова его руки на лодыжках. Снова перемещение неподвижной плоти. Ася легла на спину и усталилась в потолок.

Штерн выпрямился. Несколько мгновений смотрел на неё, чуть склонив голову.

— Картина ясна. Двигательные функции отсутствуют. Чувствительность ниже паха — ноль. Тазовые нарушены — катетер пока оставляем. Нижний парапарез. Прогноз — от осторожного до сдержанно-оптимистичного. Будем выжимать максимум.

Она сглотнула. В горле пересохло.

— Я буду ходить? — спросила она хрипло.

Он посмотрел на неё — впервые за всё время осмотра прямо в глаза.

— Гарантий не даю. Полное восстановление при таком уровне повреждения — редкость. Но частичное — возможно. В вашу пользу возраст, мышечная память и то, что спинной мозг цел. Сделаем всё, что можно.

Пауза.

— С завтрашнего дня начинаем полный протокол. Таблетки, физио, массаж, иглы. И мои сеансы мануальной коррекции. График плотный. Свободного времени почти не будет. Вам это подходит?

Ася смотрела на его руки. Длинные пальцы, аккуратные ногти. Руки хирурга. Или пианиста.

— Подходит, — сказала она.

Он кивнул и вышел. Дверь мягко щёлкнула.

Ася осталась лежать. На стене, над дверью, светились белые цифры электронных часов — 14:32. Его пальцы всё ещё жили на её коже. Она помнила каждое прикосновение — даже там, где уже ничего не чувствовала. И от этой памяти внутри разливалось что-то тёплое. Не в ногах — там была пустота. Выше. В животе, в груди.

Глава 3. Тепло. Кажется

Утро. Елена Романовна прикатила каталку и велела переодеваться в спортивное — чёрный топ и велосипедки из плотной ткани. Сама Ася натянуть их не могла, поэтому медсестра делала это за неё. Ловко, быстро, без стеснения перекатывая тело с боку на бок. Ася закусил губу и смотрела то в одну стену, то в другую. Это унижение, думала она, будет не последним. Надо просто перетерпеть.

В кабинете физиотерапии их встретил коренастый мужчина в спортивных штанах и футболке под халатом.

— Это Олег, — представила Елена Романовна, перекладывая Асю на кушетку. — Он у нас и массаж ведёт, и физио. Руки золотые, говорит мало.

Кабинет физиотерапии был заставлен аппаратами. Пахло разогретой электроникой и спиртом. Олег молча прилепил электроды к её бёдрам и икрам.

— Сейчас ток пойдёт, — буркнул он. — Не дёргайтесь.

Она и не дёргалась. Потому что не чувствовала. Просто видела, как её мышцы сокращаются под действием импульсов. Бёдра напрягались и опали. Пальцы на ногах поджимались и распрямлялись. Это было жутко — тело жило своей жизнью, отдельной от неё. Как механизм, который дёргают за ниточки.

Олег сидел в углу и что-то писал в тетради. Ася смотрела в потолок и пыталась представить, как электрический ток бежит по нервам, как он будит спящие клетки. Вдруг получится? Вдруг эти импульсы доберутся до мозга и скажут ему: «Эй, там внизу ещё что-то есть».

После физио Елена Романовна повезла её к Штерну. Они миновали холл с орхидеями, свернули в длинный коридор и остановились у двери в самом конце. Табличка была латунная, полированная. «Штерн Марк Аркадьевич. Врач мануальной терапии, реабилитолог. Кандидат медицинских наук».

Медсестра взялась за ручку, но не открыла. Обернулась.

— Соберись, — сказала негромко. — Сегодня Марк Аркадьевич в настроении работать. Это хорошо. Или плохо. Зависит от того, сколько ты готова терпеть.

Ася не успела спросить, что это значит. Дверь открылась.

В кабинете было светло. Огромное окно, стеклянный шкаф с инструментами, высокая кушетка, застеленная свежей простыней. Штерн стоял у окна спиной. Услышав звук колёс, обернулся. Сегодня он был в тёмном халате поверх чёрной водолазки. Длинные пальцы уже обработаны антисептиком — она это поняла по запаху спирта.

— На кушетку, — бросил он медсестре.

Вдвоём они переложили Асю на прохладную поверхность.

Штерн взял её правую ногу за лодыжку, положил на валик.

— Задача первой фазы — разбудить фасциальную проводимость. Мышцы и фасции забиты, спазмированы, не проводят сигнал. Мы заставим их работать через болевое воздействие на надкостницу и сухожилия. Начинаем с передней поверхности.

Он надавил пальцами на переднюю поверхность бедра и повёл их вниз, вдоль мышечных волокон, разбивая триггерные точки. Ася смотрела на его руки — они двигались по её ноге, а она ничего, полный ноль. Штерн спустился ниже, на переднюю поверхность голени. Промял её так же методично, затем перешёл к голеностопу. Взялся за её стопу. Согнул пальцы, размял подушечки. Развернул стопу внутрь, до предела физиологической амплитуды. Затем наружу.

Перешёл на другую сторону, подложил валик под левую ногу. Повторил всё в том же порядке: передняя поверхность бедра, голень, голеностоп.

Закончив, Штерн выпрямился.

— Переворачиваем на живот. Задняя поверхность.

Он положил ладони на заднюю поверхность правого бедра — туда, где под кожей ещё угадывались истончившиеся мышцы. Промял их, продавливая большими пальцами. Затем спустился к икре. Взял со стойки деревянный шпатель с какой-то полоской, похожей на резину, положил его поперёк икроножной мышцы и начал с силой проводить им вдоль мышечных волокон, от пятки к подколенной ямке.

И тогда пришла боль.

Острая, скручивающая. Ася закричала и вцепилась руками в края кушетки. Она не чувствовала самой икры. Боль пришла из низа живота. Это была странная, иррадиирующая боль, но от этого не менее невыносимая.

Елена Романовна держала её за плечи.

— Терпи, милая, — шептала она. — Так надо. Без этого никак.

Штерн не останавливался. Он закончил с правой икрой и перешёл на левую сторону. Повторил всё в том же порядке: задняя поверхность бедра, затем шпатель на икру.

Ася вжималась лицом в кушетку, скулила сквозь сжатые зубы. Из глаз лились слёзы, впитываясь в простыню.

Когда он прошёлся шпателем по левой голени, надавив особенно глубоко, Асю прострелило. Искра. Горячая волна, пробежавшая от бедра до кончиков пальцев. Это длилось мгновение, но она закричала уже другим голосом — срывающимся на рыдание:

— Я чувствую! Я почувствовала ногу! Всю!

Штерн убрал шпатель. Взял её бедро и сжал.

— Здесь?

— Да! — она плакала. — Давление чувствую!

Он сжал икру.

— Здесь?

— Слабее, но да! Господи, я чувствую!

Он проверил правую ногу. Ася кивала, чувствуя давление уже и с этой стороны, хотя ощущения были заметно тусклее.

Кожа на обеих ногах порозовела от прилива крови. Штерн выпрямился.

— Прогресс, — сказал он ровно. — Сосудистая реакция пошла. Нервный импульс восстанавливается. Будем усиливать.

Асю перевернули на спину.

Штерн отошёл к раковине. Мыл руки долго, методично, будто смывал с пальцев её боль. Ася лежала обессиленная, мокрая от слёз и пота. Сердце колотилось. Она чувствовала себя выпотрошенной. Но внутри разливалось тепло. И благодарность. Благодарность человеку, который сделал ей так больно.

***

Вечером Елена Романовна сняла катетер.

— Доктор велел, — сказала она, аккуратно отклеивая пластырь. — Раз чувствительность пошла, попробуем без него.

Ася кивнула. Ей было всё равно. Она так устала, что даже унижение отступило на второй план.

Ночью клиника затихла. Только изредка шаги дежурной сестры шлёпали по коридору — туда и обратно. Ася лежала в темноте и не спала.

Она думала.

Не о боли. Боль уже ушла, как будто её и не было. Она вспоминала сосредоточенное лицо Штерна. Методичность, с которой он управлял её телом. О том, как его руки двигались по её

ногам — она не чувствовала прикосновений, но видела каждое движение, каждый нажим. И от этих мыслей внизу живота что-то сжималось.

Она сунула ладонь под простыню. Живот был тёплый, кожа гладкая. Провела ниже. Ткань трусов под пальцами. Она замерла. А потом, закусив губу, протолкнула пальцы под резинку.

Мокрая.

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором встал он. Не лицо. Руки. Длинные пальцы, холодные, с аккуратными ногтями. Она представила, как они скользят по её бедру вверх. Как он разводит её колени — «проверить тонус приводящих мышц». Как большой палец почти касается промежности. Она представила, что он не убирает руку. Что он смотрит на неё своим холодным взглядом и спрашивает: «Вы возбуждены?» И она отвечает: «Да». И он не отводит взгляд. И не останавливается.

Пальцы двигались медленнее, чем обычно. Приходилось прилагать усилие. Ловить ощущение, которое ускользало. Клитор отзывался, но глухо. Раньше, до аварии, всё было ярче. Тугое, тягучее тепло нарастало медленно, нехотя. Мышцы внизу живота напряглись — она это скорее угадала, чем почувствовала. Глубже, в зоне, которую она почти не контролировала, что-то смутно пульсировало.

Оргазм пришёл не рывком, а долгой, тянущей волной. Приятно, да. Но слабее, чем она привыкла. Намного слабее. И всё равно она всхлипнула, вжимаясь затылком в подушку. Всё равно по телу прошла дрожь. Потому что даже такой — ослабленный — он был первым за много недель.

Она замерла. Сердце колотилось где-то в висках. Дыхание вырывалось какими-то толчками. Трусы были мокрые. Она вытащила руку, и положила поверх одеяла. Пальцы подрагивали. В теле была лёгкость.

И стыд. Он пришёл не сразу. Сначала было просто хорошо. А потом она подумала: «Я только что кончила, представляя врача. Человека, который сегодня заставил меня орать от боли». Она перевернулась на бок — неловко, цепляясь за поручень кровати, подтягивая непослушные ноги. Уткнулась лицом в подушку. «Я сломана. Вся. Не только физически. И то, что я хочу его, — часть поломки. Или наоборот? Часть того, что ещё работает?»

Она не знала ответа. Но даже думая это, она знала: завтра, когда откроется дверь его кабинета, она будет смотреть на его руки. И ждать. Не только боли. И от этого знания тепло внизу живота — всё ещё там, никуда не делось — снова напомнило о себе. Слабо, приглушённо. Но достаточно, чтобы она заснула с этим теплом.

И с теплом в левой ноге, которое медленно угасало. Но было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.